

DOI: 10.31312/2310-6085-2024-19-2-34-44

УДК 327

ПАНАРАБСКАЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЯ ИРАКА ФЕЙСАЛА I В 1930–1933 гг.

Т. Г. Туманян

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург 199034,
Российская Федерация

Аннотация: В работе затронуты некоторые вопросы ближневосточной политики Хашимитского Королевства Ирак в 1930–1933 гг. Основное внимание в статье сосредоточено на исследовании одного из приоритетных направлений региональной деятельности иракского государства — политике панарабизма. Истоки панарабской политики хашимитов возвращают нас к событиям Первой мировой войны. Именно тогда представители этой авторитетной династии из Мекки, получив заверения и поддержку британских властей, всерьез заговорили о возможности объединения арабских территорий Ближнего Востока и создания единого арабского государства. Однако тогда хашимитский интеграционный проект не был реализован в полной мере. По итогам Первой Мировой войны были образованы два хашимитских государства — Королевство Ирак и Трансиорданский эмират, находившиеся под временным мандатным управлением Великобритании. В условиях постмандатного развития иракского государства вопрос интеграции арабских земель Ближнего Востока вновь актуализировался, заняв важное место в региональной политике короля Фейсала I. В основе панарабской политики иракского монарха находился прежде всего проект объединения Ирака и Сирии. В последующем не исключалось присоединение к этому союзу и Палестины. Этот план находил принципиальную поддержку прежде всего в кругах арабских националистов, однако его успешная реализация имела и серьезных противников.

Ключевые слова: Ирак, король Фейсал I, панарабская политика, Сирия, Великобритания, мандат.

Благодарность: Статья опубликована при финансовой поддержке АНО ДПО «Институт Мира и исследования конфликтов».

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; принята к публикации 25.06.2024.

© **Туманян Тигран Гургенович** — доктор философских наук, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ, tumt@mail.ru

PAN-ARAB POLICY OF KING FAISAL I OF IRAQ IN 1930–1933

T. G. Tumanian

Saint Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract: The presented article touches on some issues of regional policy of the Hashemite Kingdom of Iraq in 1930–1933. The main focus of the work is on one of the main directions in the history of the foreign policy of the Iraqi state — the Pan-Arab project. The origins of this policy take us back to the events of the First World War. However, the Hashemite integration project was not fully realized at that time. The results of the First World War led to the formation of two Hashemite states — the Kingdom of Iraq and the Transjordan Emirate. Both Hashemite states were under temporary British mandate. In the context of the post-mandate development of the Iraqi state, the issue of integration of the Arab lands of the Middle East has again become relevant. This political issue took an important place in the regional activities of King Faisal I. At the heart of the pan-Arab ambitions of the Iraqi monarch was the project of uniting Syria (possibly Palestine) with Iraq under the rule of the Hashemites.

Keywords: Iraq, King Faisal I, Pan-Arabism, Syria, Great Britain, Mandate.

Acknowledgments: The article was published with the financial support of ANO DPO “Institute for Peace and Conflict Research”.

Received April 22, 2024; in final form June 26, 2024.

© **Tigran G. Tumanian** — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of History of the Middle East, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State, tumt@mail.ru

Ирак — государство, рожденное после Первой мировой войны, на протяжении первых десяти лет своего существования оставался подмандатной территорией¹, управление над которой от имени Лиги Наций осуществляла Великобритания. Такая ситуация продолжалась вплоть до 1930 г., когда между Великобританией и королевством Ирак был подписан принципиально новый *договор о дружбе* [1]. Этот документ в корне менял политико-правовой статус присутствия англичан в Ираке. Интересно, что реализация нового договора могла быть осуществлена только при условии приобретения Ираком государственного суверенитета, иначе говоря, в результате отказа

¹ В соответствии с договоренностями, достигнутыми после Первой Мировой войны, Ирак получил статус «подмандатной территории». Мандат на управление этой страной от имени Лиги Наций был предоставлен Великобритании. Кроме Ирака аналогичный подмандатный статус приобрели Сирия с Ливаном, переданные под управление Франции, а также Палестина с Трансиорданией — территории, управляемые Великобританией.

Великобритании от своих мандатных прав в этой арабской стране. Так или иначе, но, подписав *договор о дружбе*, Великобритания продемонстрировала свое желание поддержать Ирак в его движении к суверенитету.

Процесс урегулирования выхода Ирака из режима подмандатной территории занял чуть более двух лет, и 3 октября 1932 г. официальный Багдад объявил о вступлении страны в Лигу Наций. Именно это событие стало формальным свидетельством государственной независимости Ирака. Хашимитское Королевство Ирак стало первой арабской страной в составе Лиги Наций.

Приобретенный статус суверенного государства, несмотря на всю его неоднозначность², безусловно, способствовал усилению политических позиций Ирака. Перед властями страны открывались новые возможности не только самостоятельно представлять свои государственные позиции, но и в случае необходимости отстаивать на высоком международном уровне интересы других арабских стран. Столь очевидные достижения иракского государства не без оснований связывались с деятельностью короля Фейсала I³, чья во многом успешная внешняя политика находила одобрение не только у иракцев, но и у значительной части населения арабских стран региона. Многие националистически настроенные арабы⁴, прежде всего в Сирии и в Палестине, рассматривали Ирак и его короля, как ту силу, которая могла бы решить задачу ликвидации мандатных режимов на Ближнем Востоке и в перспективе объединить освободившиеся арабские страны [5, p. 294].

Подобные юнионистские идеи, конечно же, нельзя было назвать неожиданными и новыми. Они имели известные исторические основания

² Договор заключался сроком на 25 лет и приобретал силу сразу после вступления Ирака в Лигу Наций. Новый договор не только предоставлял Ираку возможность приобретения суверенитета, но и обуславливал развитие этого арабского государства рядом требований и предписаний, в том числе такими, как присутствие на его территории британского военного контингента — авиационных баз в ал-Хаббании и аш-Шуайбе. Кроме того, Ирак брал на себя обязательство проводить консультации с официальным Лондоном по всем принципиальным международным вопросам и др. Подробнее см.: [1, p. 132–142].

³ До своего избрания в 1921 г. королем Ирака Фейсал ал-Хашими проявил себя как успешный военный лидер. В годы Первой Мировой войны эмир Фейсал стал одним из предводителей Арабского восстания против турок. В 1919 г. именно ему было поручено возглавить арабскую делегацию на Парижской мирной конференции и вести переговоры с руководителями западных держав о будущем арабов Ближнего Востока. В 1920 г. в течение нескольких месяцев Фейсал ал-Хашими был королем Сирии.

⁴ Об основных идеях арабского национализма см.: [2; 3; 4].

и апеллировали к событиям и договоренностям времен Первой Мировой войны⁵. Однако эти идеи получили новый импульс в условиях перехода иракского государства на путь суверенного развития. Осознавая свою возрастающую роль в политической жизни ближневосточного региона, иракский король достаточно серьезно рассматривал перспективу объединения арабских земель [8]. При этом Фейсал I, на практике подтвердивший политическую лояльность британской короне в годы мандата, не исключал, и, возможно, даже рассчитывал на благосклонность и поддержку Лондона в реализации его панарабских замыслов.

Вместе с тем, несмотря на некую уверенность иракского монарха в своем политическом курсе, было не совсем ясно какие именно арабские территории и на каких условиях планировал объединить иракский король. По всей видимости, Фейсал I, рассчитывая на благоприятную политическую конъюнктуру, был готов последовательно интегрировать все находившиеся под мандатом арабские страны. Понятно и то, что он, как опытный политик и правитель, конечно же, осознавал всю сложность реализации столь непростого замысла. Именно поэтому иракский монарх старался проводить исключительно сбалансированную, далекую от радикальных решений панарабскую политику. Отказавшись от какого-либо радикализма, Фейсал I тем не менее был настойчив и целенаправленно следовал курсу на осуществление задачи объединения арабских стран «Благодатного полумесяца». Речь на данном этапе шла прежде всего о Сирии.

Непросто понять на чем основывалась уверенность иракского монарха, но он достаточно убежденно смотрел на ближайшее будущее Сирии. Фейсал I полагал, что Франция уже в середине 1930-х гг. согласится отменить свой мандат в этой стране [9], что, в свою очередь, снимет препятствия к объединению Ирака и Сирии. Подобный оптимизм во многом подпитывался активной риторикой арабских националистов в Сирии. Последние рассчитывали на помощь своих иракских братьев в реализации планов по освобождению и объединению «расчлененной исторической родины»⁶. Во главе этого союза они предпочитали видеть короля Фейсала I, хотя и не исключали возможности выдвижения на арабский трон иного представителя хашимитской семьи. Условную конкуренцию королю Фейсалу I

⁵ О политических договоренностях между Великобританией и представителями Хашимитской династии в годы Первой Мировой войны и после нее см.: [6; 7].

⁶ «Великая Сирия» и Ирак традиционно близки с точки зрения культуры и исторического прошлого.

в этом вопросе могли составить его старшие братья — эмир Трансиордании Абдалла ибн Хусейн ал-Хашими и, свергнутый в 1925 г. с хиджазского престола, Али ибн Хусейн ал-Хашими. Впрочем, их шансы в конкуренции с Фейсалом I оценивались не очень высоко⁷.

Перспектива объединения Ирака и Сирии под власть хашимитов имела не только многочисленных сторонников, были и те, кто принципиально выступал против возвышения короля Фейсала I и его сподвижников. Хорошо известно, что к политическому будущему Сирии проявляли интерес и другие влиятельные представители арабской элиты. В числе тех, кто также мог претендовать на «сирийский трон» был король Египта Фуад, шериф Али Хайдар⁸ и последний хедиф Египта — Аббас II Хилми [11]. Однако их возможности в достижении успехов этом вопросе вызывали большие сомнения.

Пожалуй, единственным человеком, который реально мог воспрепятствовать интеграционным замыслам короля Фейсала I был «правитель Аравии» Абд ал-Азиз (Ибн Сауд). Однако, несмотря на известное противостояние с хашимитами⁹, аравийский монарх, казалось бы, не проявлял сильной заинтересованности в «сирийском вопросе». Складывалось впечатление, что нарастающая панарабская деятельность иракского короля не вызвала особо негативной реакции со стороны Абд ал-Азиза. Насколько это было действительно так — остается вопросом. Нельзя исключать, что Ибн Сауд вынашивал свои планы относительно будущего подмандатных стран. По крайней мере, имя его старшего сына — эмира Фейсала ибн Абд ал-Азиза — периодически фигурировало в контексте заочных политических баталий за власть в постмандатной Сирии [12].

Так или иначе, но в 1930 г. наметился определенный сдвиг к улучшению отношений двух противоборствующих династий. Это случилось после первой личной встречи¹⁰ короля Фейсала I и султана Абд ал-Азиза. Едва

⁷ О кандидатах на сирийский престол см.: [10].

⁸ Али Хайдара нередко рассматривают в качестве последнего шерифа Мекки, назначенного османским султаном. Это случилось после того, как прежний шериф Хусейн ал-Хашими поддержал в Первой мировой войне Великобританию и возглавил в 1916 году антитурецкое восстание арабов.

⁹ В 1920-е гг. отношения между Ибн Саудом и хашимитами были откровенно враждебными. Они сопровождались не только многочисленными вооруженными стычками в приграничных районах, но и серьезными военными конфликтами.

¹⁰ 21 февраля 1930 г. на борту британского корабля *Lurip* состоялась личная встреча между Фейсалом I и Ибн Саудом. В ходе переговоров, проведенных по инициативе англичан, стороны обсудили и попытались разрешить ряд принципиальных проблем

ли можно утверждать, что эта историческая встреча сняла все проблемы, существовавшие между саудитами и хашимитами, однако она все же принесла некоторое потепление во взаимных отношениях¹¹.

В таких условиях имплицитного противостояния за арабское лидерство иракский король продолжал наращивать свою панарабскую кампанию. Она проявлялась на самом разном уровне общественно-политической жизни: через прессу, в ходе встреч и обсуждений с представителями арабской элиты¹², посредством активной деятельности приверженцев политики иракского короля в подмандатных странах и т. д.

Вместе с тем Фейсал I, конечно же, понимал, что ответы на интересовавшие его вопросы интеграции нужно искать не столько в арабских, сколько в европейских столицах. Именно с этой целью во второй половине 1931 г. иракский монарх совершает поездку в Париж. Там он проводит не только консультации и переговоры с ведущими французскими политиками, но и целенаправленно встречается с известными активистами панарабского движения из Сирии, Ливана и Палестины [14, р. 17]. Примечательной и во многом обнадеживающей для Фейсала I особенностью визита в Париж стало то, что некоторые представители официальных кругов Франции, раз за разом именовали его «королем арабов». Столь же лестное обращение к иракскому монарху нашло отражение и во французской прессе [16].

Все это, конечно же, вселяло определенные надежды и даже уверенность, однако в Париже Фейсал I так и не смог получить однозначного и окончательного ответа на принципиальные вопросы интеграции арабских земель. Тем не менее, несмотря на дипломатически сдержанное и в целом

прежде всего в вопросе межплеменных и пограничных отношений. Об этом см. подробнее: [13, р. 121–122].

¹¹ Наметившиеся позитивные перемены в ирако-саудовских отношениях побудили некоторых соратников короля Фейсала I выступить с рядом политических инициатив. Так, глава иракского правительства Нури ас-Са'ид достаточно неожиданно выдвинул предложение о создании Арабского союза (блока), в который бы вошли Ирак, Трансиордания, а также Неджд и Хиджаз [14, р. 16–17].

¹² Весной 1931 г. Фейсал I направил своего ближайшего соратника, премьер-министра Ирака Нури ас-Са'ида в длительный «пропагандистский вояж» по арабским столицам. В ходе поездки иракский политик посетил Трансиорданию, Египет, Хиджаз, Йемен, а также Палестину. На многочисленных встречах с политической элитой этих стран он пытался не только разъяснить аргументы иракского видения панарабской консолидации, но, по возможности, заручиться поддержкой в реализации этих планов [15].

сочувственное отношение французского правительства к хашимитским планам, иракский король был воодушевлен результатами поездки. Он и его соратники не только не прекратили свою деятельность в пользу объединения Ирака и Сирии, но даже в чем-то активизировали ее. Мощная кампания в средствах массовой информации подогрела во многом эйфорические настроения арабских националистов как в Ираке, так и в соседних Сирии и Палестине. Особо активной пропагандистская деятельность была в Дамаске, где сторонники объединения Сирии и Ирака, ведомые близким соратником короля Фейсала I, известным арабским националистом Рустамом Хайдаром, собирали многолюдные манифестации и митинги в поддержку образования единого хашимитского государства [17].

Иракские власти не только не останавливались в своей пропагандистской активности, но и искали её новые формы и возможности реализации. В 1932 г. Фейсал I выступил с инициативой провести в Багдаде конгресс лидеров арабских государств [18]. На этом политическом форуме хашимитский монарх намеревался определить истинные настроения глав арабских стран относительно интеграционных инициатив, а также прояснить перспективы объединения арабских земель в рамках «хашимитского проекта»¹³. Понятно, что время проведения подобного мероприятия было выбрано неслучайно. Фейсал I, выступая в качестве инициатора и организатора арабского форума, рассчитывал получить дополнительные политические дивиденды, укрепить свою популярность в странах “Благодатного полумесяца”. Идея проведения встречи на высшем уровне нашла понимание у ряда ближневосточных лидеров, однако Багдадский конгресс так и не состоялся. Египет и Саудовская Аравия, отказавшись от участия в нем, поставили под сомнение эффективность его работы, а выдвинутые Великобританией предварительные условия по повестке конгресса и вовсе свели необходимость его организации на нет.

Оценивая ситуацию, сложившуюся вокруг интеграционных инициатив короля Фейсала I, прежде всего перспективы объединения Ирака и Сирии, можно сделать следующее заключение. Несмотря на то, что панарабский проект в целом находил одобрение и поддержку у значительной части

¹³ С этой целью в декабре 1932 г. король Фейсал I направил с визитом в ряд арабских столиц известного сторонника панарабского союза, видного иракского политика Йасина ал-Хашими. На его миссию возлагалась непростая задача убедить политическую элиту Ближнего Востока в необходимости созыва арабского форума на высшем уровне. О миссии Йасина ал-Хашими см.: [19].

арабов региона, его успешная реализация в силу ряда принципиальных факторов и обстоятельств вызвала серьезные сомнения.

Во-первых, объединение Ирака и подмандатной Сирии могло быть реализовано лишь при непосредственном участии двух ведущих европейских держав — Великобритании и Франции. Союз Ирака и Сирии, вероятно, мог устроить англичан, имевших надежные экономические и политические позиции, как в Ираке, так и в регионе в целом. Однако официальный Лондон в складывавшейся ситуации не собирался форсировать события. Заняв выжидательную позицию, британские власти не торопились с однозначным ответом в вопросе продвижения панарабских инициатив иракского монарха.

Что касалось Франции, то она на определенном этапе сочувственно отнеслась к перспективе арабской интеграции и даже в устной форме одобрила предложение Фейсала I о перспективном объединении Ирака и Сирии. Это случилось в 1931 г. в ходе визита иракского короля во Францию. Тем не менее, по мере развития ситуации становилось все более очевидным, что данные Парижем заверения едва ли стоило рассматривать как твердые и окончательные. Подобный союз двух арабских стран едва ли мог в полной мере отвечать геополитическим интересам Франции. Было очевидно, что возможность предоставления независимости подмандатной Сирии и последующее ее объединение с экономически более мощным Ираком привело бы к еще большему усилению британских позиций на Ближнем Востоке и постепенному ослаблению роли Франции.

Во-вторых, союз Ирака и Сирии никак не отвечал интересам сопредельных государств. Это касалось не только Турции, но также Персии и Саудовской Аравии. Укрепление Хашимитского Ирака за счет его объединения с Сирией привело бы к нарушению достаточно хрупкого баланса сил, сложившемуся за недолгие годы послевоенного развития Ближнего Востока. Для Турции, еще не свыкшейся не только с потерей Мосула¹⁴, но и других арабских вилайетов, и имевшей определенные реваншистские планы¹⁵, всякое укрепление позиций иракского государства усложняло реализацию собственных амбиций в регионе.

¹⁴ Вопрос принадлежности Мосульского вилайета стал предметом принципиального разбирательства между Великобританией и Турцией после Первой Мировой войны. Его решение затянулось на несколько лет и завершилось передачей территории спорного вилайета Ираку, находившемуся под мандатом Великобритании.

¹⁵ Факт отторжения Александреттского санджака у Сирии в преддверии Второй мировой войны стал подтверждением тому.

Персия, признавшая государство Ирак лишь в 1929 г., имела с ним не только неурегулированные погранично-территориальные проблемы, но и трудноразрешимые противоречия, касавшиеся этнических и конфессиональных вопросов. Возможное усиление Ирака за счет интеграции с Сирией Тегеран скорее всего рассматривал, как потенциальную угрозу своим национальным интересам.

Что же касалось позиции Саудовской Аравии в отношении панарабских инициатив короля Фейсала I, то она также была неоднозначной. Несмотря на некоторую стабилизацию отношений между двумя монархиями, известное династийное противостояние саудитов и хашимитов, проявлявшееся прежде всего в контексте их борьбы за лидерство в регионе, являлось, как и прежде, существенным критерием в выборе политического курса.

В-третьих, как в Сирии, так и в самом Ираке имелись политические силы, противостоявшие этому союзному проекту. Объединив две страны, Фейсал I не только реализовывал свои панарабские амбиции, но, за счет интеграции с Сирией, где преобладало суннитское население, он смог бы решить непростую проблему легитимности исполнительной власти в Ираке. Объединение двух стран изменило бы конфессиональный баланс в пользу приверженцев суннизма¹⁶. Однако такая перспектива едва ли могла найти поддержку среди шиитов Ирака, составлявших большую часть населения страны. Не видели для себя особых выгод от подобного объединения и курды Ирака. Кроме того, многие иракцы, по мнению некоторых исследователей, зная о незаурядных качествах и способностях своих сирийских собратьев в сфере предпринимательства и коммерции, их, в целом, более высоком образовательном уровне, опасались потерять свои позиции в торговле, культуре, образовании, медицине и т. д. [21, p. 434]¹⁷.

Примечательно, что и среди самих сирийцев также не было единого мнения относительно интеграции. Если сирийские монархисты (арабские националисты), многие из которых традиционно поддерживали Фейсала I еще со времен Первой мировой войны, в целом выступали за идею объединения с Ираком [24], то другая часть политически активного,

¹⁶ С момента провозглашения Ирака в 1920 г. власть в этом государстве традиционно находилась в руках арабов, представлявших суннитское направление ислама. Число арабов-суннитов в 30–40-е годы двадцатого века находилось в пределах 20% от общего населения страны. См. [20, p. 40].

¹⁷ О некоторых вопросах соотношения политики панарабизма и «местного национализма» в Ираке см.: [22; 23].

националистически настроенного населения¹⁸ рассматривала панарабизм короля Фейсала I скорее в качестве своевременного и вполне приемлемого инструмента, способного ускорить процесс выхода страны из-под мандата и провозглашения независимого сирийского государства [14, p. 19].

Трудно сказать, насколько далеко смог бы продвинуться король Фейсал I в реализации своей политики объединения арабских земель, но его скоропостижная смерть в сентябре 1933 г. не могла не воспрепятствовать процессу реализации панарабских планов. Вместе с тем различные проекты интеграции арабских стран под властью хашимитской династии неоднократно обсуждались и после Фейсала I. По сути дела, все монархи двух ветвей хашимитской династии, правившие в Иордании и в Ираке в 30–50-е гг. прошлого века, выступали с теми или иными юнионистскими инициативами. Результатом таких политических устремлений стало объединение в начале 1958 г. двух государств в Арабскую Федерацию Ирака и Иордании. Однако судьба этого государственного образования оказалась недолгой. Военный переворот «Свободных офицеров», произошедший 14 июля 1958 г. в Багдаде, ликвидировал монархический режим в Ираке. С этого времени возможность реализации панарабских замыслов хашимитов во многом потеряла свою актуальность.

Список литературы / References

- [1] Documents on International affairs 1930. London, 1931. Text of Treaty of Alliance between Great Britain and Iraq, Baghdad, June 30, 1930.
- [2] Nuseibeh, Hazem Zaki. *The ideas of Arab Nationalism*, Ithaca, Cornell University Press, 1956.
- [3] *Arab Nationalism: An Anthology*, selected and edited with an introduction by Haim, Sylvia G. Berkeley, University of California Press, 1962.
- [4] Cleveland, William L. *The making of an Arab nationalist: Ottomanism and Arabism in the life and thought of Sati' al-Husri*, Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1971.
- [5] Hourani, Albert. *Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939*, Cambridge University Press, 1983.
- [6] Kedouri E. *In the Anglo-Arab Labyrinth: The McMahon-Husain Correspondence and its Interpretations 1914–1939* (Cambridge Studies in the History and Theory of Politics), Cambridge University Press, 1976.

¹⁸ О политических тенденциях националистического движения в Сирии см.: [25].

- [7] Kedouri E. *England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire 1914–1921*, London, Bowes & Bowes, 1978.
- [8] Husry, Khaldun S. “King Faisal I and Arab Unity, 1930–33”, *Journal of Contemporary History*, April 1975, Vol. 10, no. 2.
- [9] Public Record Office, FO 371/16011, E5752; FO 371/15364 R4784, From Mr. Flood to Mr. Rendel, 1931, Sept. 21.
- [10] Public Record Office, FO 371/15364. From High Commissioner for Iraq to the Secretary of State for the Colonies, 30 January 1931; FO 371/1536, E 4784, from Mr. Flood to Mr. Rendle.
- [11] Public Record Office, FO 371/15364 E 6413 from Egypt, Sir Loraine, (Cairo) to FO. NO 23, 29 December 1931; FO 371/15364 E6376.
- [12] Public Record Office, FO 371/16922.
- [13] Sinderson, Harry C. Pasha. *Ten Thousand and One Nights: Memories of Iraq's Sherifian dynasty*, Hodder and Stoughton, London, 1973.
- [14] Dawn, Clarence Ernest. *The Project of Greater Syria* (unpublished Doctor's Thesis, Department of Oriental Languages and Literatures, Ann Arbor, Michigan University, 1948).
- [15] Public Record Office, FO 371/15281, E2380; FO 371/15285, E 42.
- [16] Public Record Office, FO 371/15364. Foreign Office Memorandum for the Official Sub-Committee, November 1931; FO 371/16011. F 5752 From FO (Mr. Rendel) 1932.
- [17] Public Record Office, FO 371/16922.
- [18] Public Record Office, FO 371/16011. E6888. From F. Humphrys to Sir John Simon, No. 1164, 21 December 1932; FO 371/16854 “Memorandum on the proposed Arab Congress”, 30 December 1932.
- [19] Public Record Office, FO 371/16902. Local Press Extract: Al-Akhbar “Yasin al-Hashimi Abroad”, 15 December 1932.
- [20] Batatu, Hanna. *The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq: A Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of Its Communists, Ba'athists, and Free Officers*, Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1978.
- [21] Main, Ernest B. “Iraq: A Note”, *Journal of the Royal Central Asiatic Society*, vol. XX, July 1933.
- [22] Simon, Reeva S. “The imposition of nationalism on a non-nation state: the case of Iraq during the interwar period, 1921–1941”, James Jankowski and Israel Gershoni (eds.) *Rethinking Arab nationalism in the Middle East*, New York, Columbia University Press, 1997: 87–104.
- [23] Kirmanj, Sherko. “The clash of identities in Iraq”, A. Baram, A. Rohde, and R. Zeidel (eds.) *Iraq between occupations: perspectives from 1920 to the present*, New York: Palgrave Macmillan, 2010: 43–59.
- [24] Qarqut, Dhugan. *Tatawwur al-haraka al-wataniyya fi suriyya 1920–1939* (Evolution of the national movement in Syria 1920–1939), Beirut, 1975: 293–296. (In Arab.)
- [25] Khoury, Philip. *Factionalism among the Syrian Nationalists during the French Mandate*, *International Journal of Middle East Studies*, 1981, vol. 13: 441–469.